

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ПОЛЬСКОГО БУНДА В 1920-е гг.

Рассматривая вопрос о формировании и дальнейшей эволюции политической доктрины еврейской социал-демократической партии Бунд, действовавшей на территории Второй польской республики, мы должны учитывать ряд исторических обстоятельств, в которых протекал данный процесс. Прежде всего это события Первой мировой войны, которые повлекли за собой глобальные геополитические изменения на карте Европы: крах целого ряда империй и создание новых государств, таких как Советская Россия и межвоенная Польша, каждое из которых выработало собственную политическую доктрину. В данных, полидоктринальных условиях приходилось действовать Бунду, который являлся ярким представителем социал-демократического движения с одной стороны, вынужденным действовать в реалиях жёсткой национальной политики польского государства – с другой стороны.

До настоящего времени остаётся открытой проблема начала складывания разрозненных бундовских организаций, действовавших в северо-западных областях бывшей Российской империи, в единую партию. На данный момент в исторической литературе существует как минимум три точки зрения по вопросу о начале существования независимого польского Бунда.

1. Немецкий исследователь Г. Пикхан считает точкой отсчёта деятельности польского Бунда ноябрь 1914 г., когда на территории Королевства Польского был создан Варшавский комитет партии [13]. В конце 1914 – начале 1915 гг. российские власти предприняли широкомасштабную акцию выселения еврейского населения из прифронтовой полосы, что привело к фактическому распаду бундовских организаций на территории Беларуси и прекращению ими какой-либо революционной деятельности [5]. Вследствие сложившейся ситуации в конце 1914 г. ЦК Бунда столкнулся с угрозой полной потери контроля над территорией края. Стремясь избежать данной опасности, Центральным комитетом партии в ноябре 1914 г. был создан Варшавский комитет Бунда, в задачи которого входила координация действий партийных организаций региона.

2. В документах польской военной и гражданской администрации, в работах польских исследователей межвоенного периода [7, 9, 10] в качестве точки отсчёта существования независимого польского Бунда принимается август 1915 г., когда территория западных областей России была оккупирована немецко-австрийскими войсками, вследствие чего Варшавский комитет партии утратил какую-либо связь с ЦК Бунда в России и приступил к самостоятельной деятельности.

3. Позиция западных учёных Б. Джонполла и Э. Мендельсона основывается на том, что официальной датой начала существования польского Бунда следует считать 2 декабря 1917 г., когда на съезде в Люблине состоялось объединение ряда самостоятельных бундовских организаций, действовавших на территории будущего польского государства [8, 12].

Принимая во внимание все три точки зрения, следует отметить, что, на наш взгляд, наиболее рациональной представляется последняя позиция. Прежде всего, необходимо учитывать тот факт, что в своей деятельности Варшавский комитет Бунда руководствовался директивами ЦК партии в России, в состав которого в этот момент входит ряд будущих лидеров польского Бунда и, прежде всего, Г. Эрлих. Кроме того, деятельность Варшавского комитета не носила политического характера и сводилась к оказанию благотворительной помощи беженцам и безработным лицам еврейской национальности [6, с. 131]. Поворотным моментом в процессе становления польского Бунда можно считать события октября 1917 г. в России, которые подтолкнули Варшавский комитет к активизации своей деятельности. Как уже говорилось выше, в декабре 1917 г. в Люблине состоялся съезд

бундовских организаций, действовавших на оккупированной немецко-австрийскими войсками территории. Итогом работы данного съезда можно считать фактическое объединение бундовских организаций бывшего Королевства Польского, что послужило началом деятельности польского Бунда, который на протяжении всего межвоенного двадцатилетия действовал как легальная политическая партия.

Становление польского Бунда проходило в условиях острого политического кризиса, который разразился в 1919–1922 гг. в рядах бундовских организаций края. Причинами данного явления были, во-первых, события октября 1917 г. в России и приход к власти большевиков. Во-вторых, после образования в Москве Коммунистического Интернационала (Коминтерна) политика коммунистов, направленная на развал социал-демократических организаций, в том числе и Бунда, начала носить целенаправленный характер. В-третьих, принятие в 1920 г. на II Конгрессе Коминтерна 21 пункта тезисов Зиновьева-Апфельбаума, которые фактически являлись перечнем условий приёма партий в состав Коминтерна, ещё более усугубило ситуацию.

Стремясь подчинить бундовские организации Польши, Исполком Коминтерна трижды обращался с письмами к ЦК Бунда и рядовым членам партии. В двух последних письмах Исполком Коминтерна призывал своих сторонников, в нарушение партийной дисциплины, создать коммунистическую фракцию в составе Бунда и тесным образом координировать свои действия с Коммунистической рабочей партией Польши (КРПП): «Главная задача «левого крыла» Бунда состоит в том, чтобы создать свою собственную фракцию на основе программы III Интернационала. Данная фракция должна повести решительную борьбу за лидерство в партии. В свою очередь, КРПП предоставит любую помощь действительно революционным элементам Бунда. Прежняя политика систематического саботажа решений, постоянного поиска компромиссов, недоверия и сепаратизма со стороны Бунда, должна смениться решительными революционными действиями» [2, л. 12]. Перед самым началом II съезда Бунда Исполком Коминтерна направил третье послание, адресованное съезду, в котором настаивал на разрыве съезда с руководством Бунда и подчинении его директивам Коминтерна.

Как видно, данными практическими действиями руководство Коминтерна стремилось подорвать авторитет Бунда среди еврейских рабочих масс и подчинить их собственному влиянию. Обращения Коминтерна к членам Бунда усилило раскол в партии. Местные организации, симпатизирующие III Интернационалу, развернули широкую агитацию, целью которой было склонить партию к принятию 21 пункта условий Коминтерна. Некоторые партийные организации Бунда в полном составе переходили в ряды Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП).

Б. Джонполл и Э. Мендельсон в своих работах констатируют, что политика Коминтерна в отношении Бунда в 1920–1922 гг. привела к острейшему партийному кризису, который повлек за собой фактический раскол в составе партийных организаций [8, р. 78; 11, р. 82]. Так, в рядах партии выделяется три фракции: правая – консервативная, стоявшая на позициях довоенного российского Бунда, левая – революционно-радикальная, целиком принявшая программу и тактику большевиков, и центристская, стремившаяся найти компромисс между позициями двух первых фракций.

Тактика действий партии, по мнению лидеров правой фракции, должна была базироваться на тезисе о том, что Польша в данный период оказалась в сложном положении. «На территории, которая в течение более чем ста лет находилась под тяжёлым ярмом, ... на которой отсутствовали самые элементарные условия для законной деятельности рабочих организаций, целью социалистического дви-

Моцук Анатолий Васильевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

жения является создание таких условий. Руководство этим движением должны осуществлять демократические учреждения, которые были бы сформированы под контролем рабочего класса. Рабочий класс должен взять в свои руки как можно большую часть политической и социальной власти в рамках этих демократических органов, с целью дальнейшего построения социализма» [17, с. 2]. Таким образом, очевидно, что лидеры правых в данной ситуации были настроены на активное участие Бунда в становлении политического процесса в послевоенной Польше. Более того, правые были нацелены на утверждение парламентских методов работы партии в условиях послевоенной Польши.

Левая фракция, в свою очередь, выступила против использования парламентских методов борьбы. Она стояла на позиции революционного захвата власти Советами и установления диктатуры пролетариата, т.е. копирования большевистского опыта. В ходе острых дебатов в руководстве Бунда возобладала позиция правых, однако можно говорить о том, что в партии назрел раскол при отсутствии явного доминирования одной из фракций. Правое крыло выступало за демократию и парламентаризм; левое крыло, всё более радикализируясь, настаивало на том, чтобы Бунд открыто стал на путь революционной борьбы и установление диктатуры пролетариата; центристы в данной ситуации заняли нейтральную позицию.

По оценке одного из лидеров партии председателя ЦК Бунда Н. Портного, Бунд фактически прекратил своё существование как политическая организация: «В партии началась полная анархия, местные организации игнорируют распоряжения центрального руководства, в самих местных организациях отмечаются акты неподчинения со стороны рядовых членов, что наиболее проявилось на выборах в муниципалитеты, когда они (рядовые члены) отказывались поддержать кандидатов от партии» [14, с. 239].

Результатом внутрипартийных разногласий стало выделение из рядов Бунда радикальной части левой фракции, которая оформилась в самостоятельную организацию – «Комбунд». По сообщениям польских властей, на территории северо-восточных земель в 1920–1922 гг. Комбунд являлся наиболее влиятельной еврейской организацией левого толка. Его влияние распространялось фактически на большую часть еврейских профсоюзов [3, л. 23].

Программные различия между Бундом и Комбундом были незначительны. Комбунд стоял на той позиции, что полное удовлетворение потребностей еврейского народа, особенно наиболее передовой его части – пролетариата, возможно только в результате изменения существующего общественного строя путем революции и установления диктатуры пролетариата. Комбундовцы считали, что совершить такую революцию может только Коминтерн, который опирается на государственный аппарат Советской России и имеет больше шансов, чем какая-либо другая организация. Исходя из этого, Комбунд настаивал на полном принятии условий Зиновьева-Апфельбаума [10, с. 46]. В практической работе деятели Бунда и Комбунда проводили одинаковую политику. Польские власти неоднократно фиксировали переходы активистов Бунда в ряды Комбунда и наоборот. Единственной отличительной особенностью Комбунда являлось то, что в социальном отношении 99% всех членов партии являлись рабочими и только 1% её членов составляли представители интеллигенции [10, с. 54]. Однако политическая жизнь партии оказалась недолгой, вступив в 1922 г. в состав КРПП, она прекратила своё существование.

Анализ резолюций, принятых на съездах, позволяет говорить о том, что противоречия между Бундом и Коминтерном в программных установках являлись минимальными, не носили принципиального характера и сводились в основном к расхождению по тактическим вопросам. Так, Коминтерн настаивал на интенсификации процесса складывания предпосылок социальной революции в странах Западной Европы и Польше. С этой целью его руководство стремилось к централизации в своих руках всего европейского революционного движения.

В то же время Бунд считал, что Западная Европа и Польша в данный момент времени принципиально не были готовы к какому-либо революционным социальным преобразованиям, а централизация западноевропейского и польского революционных движений под

эгидой Коминтерна привела бы к гибели европейской социал-демократии. Так в резолюции II съезда Бунда по данному вопросу было сказано: «Целью двадцати одного пункта является усиление классовой борьбы партий, входящих в состав Коминтерна. Однако, данные требования неприемлемы в условиях Польши. Выполнение всех пунктов требований неминуемо приведёт к расколу еврейского рабочего движения и сделает невозможным выполнение задач, стоящих перед ним. Это приведёт к ликвидации независимого Бунда. Бунд призывает к созданию единого рабочего движения, но с правом автономии еврейских пролетарских партий в его рамках. Данная позиция вытекает из того, что только независимое положение еврейского рабочего движения позволит ему решить те специфические задачи, которые стоят перед ним» [8, р. 115].

По мнению участников съезда, условия Зиновьева-Апфельбаума должны были быть отменены в определённых странах, а именно в Западной Европе, в том числе и в Польше, где условия работы отличались от условий в России. Поэтому требования Коминтерна являлись непригодными для Бунда. Выдвигая Бунду данные требования, Коминтерн не ориентировался в ситуации. Выполнение все пунктов условий привело бы к исключению из состава партии проверенных революционеров, что в свою очередь означало бы раскол Бунда и ослабление позиций еврейского пролетариата в Польше.

На II съезде партии Бундом также была выработана национальная программа. Позиция партии по еврейскому вопросу сводилась к тому, что евреи в Польше являлись самостоятельным народом, который должен иметь права, равные правам польского населения. Кроме того, идиш должен был быть признан национальным языком еврейской диаспоры Польши и использоваться в государственных органах и еврейских школах, которые должны носить светский характер без какой-либо религиозной опеки и содержаться за счёт государства. Евреям должна быть гарантирована национально-культурная автономия. По вопросу о еврейских гминах Бунд настаивал на том, чтобы они утратили религиозный характер и стали светским органом еврейского самоуправления [8, с. 117]. После начала открытой антисемитской политики со стороны польских властей на рубеже 1920–1930-х годов национальная программа Бунда была расширена за счёт требований об отмене ограничений для евреев на получение высшего образования и участия в работе польских государственных органов.

Межфракционная борьба в составе Бунда в очередной раз обостряется после V конгресса Коминтерна, который состоялся в 1924 г. Данный конгресс взял курс на большевизацию и централизацию революционного движения, а также принял положение об отсутствии существенной разницы между социал-демократией и фашизмом, что послужило основанием для оценки социал-демократических партий как социал-фашистских. Реакцией Бунда на данное положение Коминтерна стал III съезд партии, на котором произошёл окончательный разрыв Бунда и Коминтерна. Действуя на основе принятых на III съезде резолюций, партия с 1922 по 1928 гг. фактически находилась в полной изоляции как в рамках еврейского пролетариата и других социалистических партий внутри Польши, так и в рамках международного социалистического движения.

В 1928–1930 гг. начинается второй период острой внутрипартийной борьбы по программным вопросам. Поводом для её начала стал вопрос об изменении программных установок партии, как несоответствующих новым условиям работы и выработка позиции Бунда по отношению к международному социалистическому движению. В результате в составе ЦК Бунда развернулась двухлетняя дискуссия по двум вопросам: о вступлении партии в состав II (Социалистического) Интернационала и о сотрудничестве с другими социалистическими партиями и, прежде всего, с Польской социалистической партией (ППС).

Итогом данных внутрипартийных споров стал IV съезд Бунда. На повестке дня съезда фактически стояло два вопроса: во-первых, разработка новой программы партии в связи с изменившейся обстановкой как внутри страны, так и на международной арене; во-вторых, определение позиции партии по отношению к международному социалистическому движению и сотрудничеству с другими социалистическими партиями.

На протяжении всего межвоенного периода партия не имела собственной официально принятой программы [1, л. 16]. По программным вопросам Бунд занимал центристские позиции в рабочем движении, сохраняя верность марксизму и старой российской социал-демократии. В качестве образца политической программы руководством Бунда была взята программа Австрийской социал-демократической партии, которая была принята 3 ноября 1926 г. в австрийском городе Линзу. Основные пункты программы Бунда были утверждены на IV съезде партии и сводились к следующим пунктам: свержение капитализма и построение социализма; объединение и организация рабочего класса на борьбу с капитализмом; переход власти к рабочему классу и построение социализма даже при помощи диктатуры; наделение еврейского населения правами национально-культурной автономии [18, с. 275].

По вопросу о позиции Бунда по отношению к международному социалистическому движению и сотрудничеству с другими социалистическими партиями в составе Бунда выделилось две фракции. Позиция правого большинства партии сводилась к нескольким пунктам.

1. Построение социализма является идеалом. Для этого следует стремиться к объединению рабочего движения, как на международной арене, так и в Польше.

2. Коминтерн проводит разрушительную политику в рамках профсоюзного движения и среди левых элементов пролетариата, что привело к краху идеи союза Коминтерна с социалистами, в том числе и с Бундом. II Интернационал представляет собой левое крыло рабочего движения, которому чужды реформистские тенденции. Интересы рабочего класса требуют солидарности и единства. Усиление влияния данного крыла соответствует интересам рабочих масс. Поэтому следует усилить работу в направлении сотрудничества между Бундом и II Интернационалом.

3. Главной задачей Бунда всегда было сотрудничество с польским пролетариатом. Но на данный момент не существует такой партии, которая представляла бы интересы польского рабочего класса. ППС переживает тяжёлый кризис, что делает невозможным систематическое сотрудничество между ППС и Бундом. Вследствие чего следует искать контакты с рабочими партиями нацменьшинств [15, с. 291].

Левое меньшинство Бунда стояло на несколько иных позициях.

1. Значительная часть еврейского пролетариата Польши находится за рамками влияния Бунда. Сама партия проявляет тенденции к практицизму и оппортунизму, в результате чего в рядах Бунда растут ППСовские настроения. ЦК эти настроения культивирует и пытается навязать партии мысль о том, что II Интернационал якобы избежал реформистско-оппортунистических тенденций. Партия должна всеми силами бороться против данных правых тенденций.

2. ППС является оплотом реформизма и оппортунизма. Её оппозиция правительству является условной. Отношение ППС к нацменьшинствам носит негативный характер, с оттенком антисемитизма. Это делает невозможным сотрудничество Бунда с ППС. Бунд должен порвать с практикой «дружественной критики» ППС.

3. Бунду следует отмежевываться от участия в деятельности как II, так и III Интернационалов. Однако в целом Бунд позитивно относится к СССР и должен вести активную агитацию в данном направлении. Бунд должен стремиться к сотрудничеству с идеологически близкими польскими партиями и партиями нацменьшинств [15, с. 291–292].

Мнение всех делегатов съезда сошлись лишь в одном вопросе – о негативной оценке деятельности Коминтерна. В ходе дискуссий на съезде произошло объединение позиций Г. Эрлиха и В. Альтера, что привело к их победе во внутривнутрипартийной борьбе. В итоге IV съезд принял резолюцию о вступлении во II Интернационал и сотрудничестве с ППС. Данная резолюция была утверждена на Партийном Совете в октябре и в ЦК партии в ноябре 1929 г.

В июне 1930 г. состоялся V чрезвычайный съезд Бунда в г. Лодзь, который принял окончательное решение о вступлении партии во II Интернационал, это означало окончательное доминирование в партии правого умеренного крыла и логично завершило период идеологических споров внутри Бунда. Съезд отметил идеологический крах и вредную роль Коминтерна в рабочем движении [16, с. 45]. Следует отметить, что вступление Бунда в состав II Интернационала не подве-

ло окончательный итог внутривнутрипартийным спорам в рядах партии. Около 1/3 организации составляли сторонники левой фракции, которая остро критиковала политику II Интернационала. Главным требованием левых было создание единого рабочего фронта с коммунистами. Вопрос о создании данного фронта был главным вопросом для руководства Бунда на протяжении 1934–1936 гг.

На основе вышесказанного мы можем констатировать, что процесс становления польского Бунда в качестве независимой политической партии и выработка её политической программы сопровождался двумя периодами межфракционной борьбы: 1919–1922 гг. и 1928–1930 гг. В ходе данной борьбы чётко выделились две фракции – левая и правая. Главными вопросами, которые легли в основу разделения партии на фракции, являлись вопросы о месте и роли партии в международном социал-демократическом и коммунистическом движениях, а также о методах и формах политической деятельности. Выделение левой оппозиции в самостоятельную партию Комбунд привело к значительному ослаблению влияния Бунда на еврейский пролетариат Западной Беларуси, где позиции Комбунда были очень сильны.

Причинами внутривнутрипартийного кризиса в начале 1920-х гг., который привёл к фактическому расколу партии, стали события октября 1917 г. в России и их оценка членами Бунда. Приход к власти большевиков и их стремление экспортировать свой опыт на территорию Европы нашли живой отклик и поддержку в рядах польского Бунда. Однако ставка на насильственные методы борьбы, неприемлемая большей частью партии, и непродуманная политика со стороны Коминтерна привели к расколу польского Бунда и выходу из её рядов Комбунд. Причины второго этапа межфракционной борьбы в составе польского Бунда имели внутривнутриполитический характер. Во-первых, это изолированное положение, в котором оказался польский Бунд как внутри общественно-политической жизни польской республики, так и на международной арене. Во-вторых, стремление лидеров польского Бунда вывести партию из сложившейся ситуации привело к тому, что правая фракция Бунда склонялась к сотрудничеству с ППС, а левая – с коммунистическими организациями.

Причинами побед в межфракционной борьбе правой фракции польского Бунда являлась жёсткая политика со стороны Коминтерна. Руководство III Интернационала главной целью своей политики в отношении социал-демократических партий Польши и Западной Беларуси ставило их в непосредственное подчинение Москве. Однако в условиях польского государства это привело бы к гибели социал-демократического движения в стране. Кроме того, отношение к социал-демократическим организациям как к «социал-фашистским» и ставка на насильственные методы борьбы с ними подорвали последнее доверие к Москве со стороны руководства и большинства рядовых членов польского Бунда.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 139.
2. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 595.
3. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 12.
4. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 768.
5. История Польши: в 3 т. / Ф.Г. Зуев [и др]; под общ. ред. Ф.Г. Зуева. – М.: Издательство АН СССР, 1958. – Т. 3. – 668 с.
6. Энциклопедия Гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1993–2003. – Т. 2: Бэліцк – Гімн / Б.І. Сачанка [і інш.]. – 1994. – 537 с.
7. Belcikowska, A. Stronnictwa i związki polityczne w Polsce / A. Belcikowska – Warszawa: Dom Książki Polskiej, 1925. – 186 s.
8. Jonpoll, B.K. The politics of futility. The General Jewish Workers Bund of Poland, 1917–1943 / B.K. Jonpoll. – New York: Ithaca, 1967. – 346 p.
9. Keller, S. Wywrotowe Partje Polityczne / S. Keller – Warszawa: Nowe życie, 1936. – 67 s.
10. Korsch, R. Żydowski ugrupowania wywrotowe w Polsce / R. Korsch – Warszawa: Drukarnia P.K.O., 1925. – 215 s.

11. Mendelsohn, E. Jewish politics in interwar Poland: an overview / E. Mendelsohn – London, 1989. – 105 p.
12. Mendelsohn, E. Poland / E. Mendelsohn – London, 1989. – 97 p.
13. Pickhan, G. «Gegen der Strom». Der allgemeine Jüdische Arbeiterbund «Bund» in Polen 1918–1939 / G. Pickhan. – Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 2001. – 441 p.
14. Pickhan, G. Kossowski, Portnoj i inni. Rola pokolenia założycieli Bundu w Polsce międzywojennej / G. Pickhan // Bund. 100 lat historii 1897–1997 / Pod redakcją prof. F. Tycha i dr. J. Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 231–243.
15. Sprawy Narodowościowe – Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1929. – № 2.
16. Sprawy Narodowościowe / Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1931. – № 1.
17. Walka – Warszawa. – 1925. – № 1–2.
18. Żydzi w Polsce odrodzonej. – Warszawa: Światło, 1933 – 340 s.

Материал поступил в редакцию 10.11.16

MOSHCHUK A.V. Transformation of political doctrine of the Polish Bund in the 1920's

The article considers problems of formation and development of the political doctrine one of the leading Jewish social-democratic parties operating in the territory of the Second Polish Republic, the Polish Bund. A separate object of scientific work are the events of factional struggle within the party, correlated by the author with the events inside the Polish state, and in the international arena.

УДК 930.2 (476.7)

Гладыщук А.А.

ФАРМАЦИИ В БЕРЕСТЬЕ (БРЕСТЕ) – 450 ЛЕТ

Реестр «Староства Берестейского» 1566 года [1] трижды упоминает имя первого известного на сегодняшний день берестейского аптекаря:

« – Место его королевской милости Берестейское. Место въ парканы. Рынокъ. Третья полатъ ринку ... Станиславъ аптекаръ (подчёркнуто авт.), 2 пруты садибы ...

– Надъ гостинцомъ Теробунскимъ. Станиславъ аптекаръ, 2 пруты садибы, 8 прутос огороди ...

– Волоки места Берестейского. ... Станиславъ аптекаръ, зять князя Симонов, 56 личбой волоки ...»

Прочитав три приведенные из реестра фразы, невольно выводишь их реальное продолжение: первая берестейская аптека размещалась на Рыночной площади Берестя со стороны, противоположной замку, сегодня это будет со стороны действующей Св. Николаевской церкви на Центральном острове мемориального комплекса «Брестская крепость-герой»; сам Станислав-аптекарь с семьёй, видимо, проживал «над Теробунским гостинцем», старинной дорогой, которая из Берестя в направлении нынешней Речицы и через Скоки вела в Теробунь и дальше через Буг на Подляшье; а вот то, что Станислав был зятем князя Семёна и владел 56-й волокой земли из 60-и, «надданных» городу магдебургским правом ещё в 1490 году князем Ягайло [2], заставляет задуматься. Никогда не представлялось, что в первую берестейскую аптеку будут вплетены каким-то образом княжеские имена. Кто же мог быть этим князем, на дочери которого был женат первый берестейский аптекарь?

Однозначного ответа найти сразу не удалось, хотя Ю. Вольф подсказывал [3], что среди князей литовско-русских* (*Примечание*: * слово **русский** или **руський** писалось в те времена с одним «с» или через «ь»), будем придерживаться орфографии времён Древней Руси, чтобы не путать употребление этого слова с более поздним написанием в Московии и России – русский, что означает по смыслу не совсем одно и то же) в рассматриваемый период времени жили, например такие, как Семён Юрьевич Гольшанский, Семён Слуцкий из Оленьковичей и даже двоюродный брат берестейского старосты Василия Глинского Слепого князь Семён Иванович Глинский, но предположим, что дочь кого-то из них была замужем за берестейским аптекарем, не находилось.

Определённую ясность в сведениях к общему знаменателю имени Станислава и неизвестной княжны внесло судебное рассмотрение под № 535 [4]: «*Назначеніе срока для решенія спора о приданомъ между Глинскимъ и его сестрою Еленою Грибовскою*», дату которого по подсказке А. Д. Никитчика пришлось поправить, потому что 19 июля понеделника приходился только на 1585 год, но никак не на 1558. Оказывается, любовь посособствовала появле-

нию первого аптекаря в Берестье вместе с молодой княгиней Еленой Михайловной Глинской, дочерью князя Михаила Ивановича Глинского, который в свою очередь доводился двоюродным братом берестейскому старосте князю Василию Львовичу Глинскому по прозвищу Слепой, выехавшего вместе с братом Михаилом Львовичем Глинским и дочерью Еленой после известных событий в Москву. Поэтому первая берестейская «аптекарьша», Елена Михайловна Глинская, приходилась своей тёзке Елене Васильевне Глинской, жене московского царя Василия III и матери Ивана IV Грозного, троюродной сестрой. Такие вот необычные перипетии княжеских судеб.

Но в реестре записано: «Станиславъ аптекаръ, зять князя Симонов». Всё правильно. Князь Михаил Иванович Глинский (1505–1532) умер очень молодым, оставив сына Александра и дочь Елену под опекой своего младшего брата Семёна Ивановича (1514–1549), на что указывает содержание разбирательства спора между братом и сестрой [5]: «*Олександра князь Михайло Глинскій, постановившия передъ нами очивисто у права, на жалобу его черезъ умоцованного своего Миколая Скиндера отказъ чинилъ тымъ обычаемъ: што се дотычетъ тое выправы зъ именованыхъ той сестре моей, тогды-мъ ей дати не повинень с тыхъ причинъ, ижъ она первей того, будучи у в опеце дядька своего и моего тежъ князя Семена Ивановича Глинского и безъ воли и ведомости того дядька моего и иныхъ кривныхъ, повиноватыхъ своихъ необычайне замужъ пошла за земенина господарского пана Станислава Войтеховича Войшевловича* (подчёркнуто авт.), *першого мужа своего ...»*.

Это полное имя первого берестейского аптекаря, человека достойного, благородного происхождения, но без княжеского титула, за которого «*тая братанка его [князя Семёна Ивановича] княжна Олена, будучи у в опеце его, замужъ необычайне, безъ воли его опекунское и иныхъ кривныхъ своевольне замужъ пошла ...»*.

Таким вот несколько необычным было начало аптечного дела в Берестье. Правда, Станислав Войшевлович, корни которого, похоже, были жемойтскими, ко времени данного судебного разбирательства уже умер. О князе же Семёне Ивановиче Глинском, отце Елены Семёновны, напоминает [6] «*Извлечение изъ постановленія Виленского сейма 1528 г. Мая 1: ... Князь Семень Глинъски маеть ставити два кони. Братъ его Михайло маеть ставити за себе и за брата своего князя Юрья, которы на Москве седить, чотыры кони*». Из этого документа видим, что не все князья Глинские подались в Москву вслед за опальным Михаилом Глинским.

Другие сведения об аптечных делах Берестя того времени являются отрывочными, но подчёркивают, что нужное для людей дело продолжало набирать обороты, хотя иногда и со скандалами [7]: «*1577 г.*

Гладыщук Анатолий Антонович, к.ф.-м.н., доцент кафедры физики Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.